

Л. В. Лбова

ПРЕДМЕТЫ ПЕРСОНАЛЬНОЙ ОРНАМЕНТАЦИИ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНЫХ ФЕНОМЕНОВ И ТЕХНОЛОГИЙ РАННЕГО ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА СИБИРИ*

doi: 10.30759/1728-9718-2018-1(58)-29-38

УДК 903.2(571)“632”

ББК 63.442.21(253.7)

Система совместных смыслов обеспечивает эффективность коммуникации в человеческой культуре. Предметы персональной орнаментации как материальная форма символической коммуникации наделены качественными характеристиками личной и культурной идентификации, выраженной через систему знаков. В статье продемонстрировано, что такие предметы образуют устойчивый признак культуры в археологическом контексте ранних верхнепалеолитических индустрий Южной Сибири. Предметы, идентифицируемые как персональные украшения, в технико-хронологическом отношении устойчиво ассоциируются с пластинчатыми индустриями начального этапа верхнего палеолита (около 40–50 — 25–30 тыс. л. н.) и представлены в стратифицированных комплексах Южной Сибири. По технико-морфологическим характеристикам выделены группы предметов, различающиеся по форме, материалу, технологии изготовления, вторичному декорированию, которые в комбинациях образуют устойчивые типы. Предварительная классификация позволяет разделить всю коллекцию изделий на личные украшения, предметы престижа, элементы одежды и аксессуаров и скульптуру. На основе проведенного анализа обсуждается ряд положений об особенностях технологий изготовления предметов персональной орнаментации в Южной Сибири для индустрий начальной стадии верхнего палеолита (40–45 — 30–35 тыс. л. н.) и для последующей стадии верхнего палеолита (30–35 — 25–28 тыс. л. н.). Установлено, что в отдельных комплексах встречается сочетание различных технологических приемов, которые могут рассматриваться как инновационные или как архаичные. Характеристики комплекса предметов персональной орнаментации в раннем верхнем палеолите Южной Сибири убедительно демонстрируют, что переход к современной форме поведения — явление куда более сложное, чем схема П. Мелларса: этот процесс происходил на разных территориях и с различной динамикой и региональными особенностями.

Ключевые слова: технология, ранний верхний палеолит, предметы персональной орнаментации, символическая коммуникация, Южная Сибирь

Символическая коммуникация является основным принципом, выделяющим человека из животного мира, базовым началом человеческой психики. Система совместных социальных смыслов, которые содержатся в человеческой культуре, обеспечивает эффективность коммуникации в сообществах людей. Культура как феномен детерминирует индивидуальные характеристики, доминирует в социуме, в том числе в развитии символической коммуникации и способов передачи информации.

Группу предметов персональной орнаментации (личных украшений) можно рассмат-

ривать как своеобразную форму древнейшей символической коммуникации, служащей способом передачи информации. Способ наделен качественными характеристиками личной и культурной идентификации и выражает определенный смысл через систему знаков, образующих предметно-образный ряд. Предметы персональной орнаментации, или так называемые «личные украшения», предметы «неутилитарного назначения», являются наиболее яркой и выразительной формой знакового или символического поведения и коммуникации.¹ Изобразительные символы выступают как средство регуляции социальных отношений, они имеют адаптивное значение и играют

*Лбова Людмила Валентиновна — д.и.н., профессор, Новосибирский государственный университет; Институт археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск)
E-mail: lbovapnr5@gmail.com*

* Исследование поддерживается РФФИ, проект № 17-56-16016 «Мобильное искусство в каменном веке Сибири (генезис, технологии, культурно-хронологический контекст)» (рук. П. В. Волков). Автор выражает свою благодарность М. Ванхаерен (Университет Бордо, CNRS, Франция), П. В. Волкову (ИГУ, г. Новосибирск) за плодотворные совместные исследования и обсуждение материалов

¹ См.: Barton C. M., Clark G. A., Cohen A. E. Art as information explaining Upper Paleolithic art in Western Europe // *World Archaeology*. 1994. Vol. 26, № 2. P. 185–207; Mellars P. The Impossible Coincidence. A Single — Species model for the Origins of Modern Human Behavior in Europe // *Evolutionary Anthropology*. 2005. № 14. P. 12–27; Emergence and Diversity of Modern Human Behavior in Paleolithic Asia. Texas, 2014; Лбова Л. В., Ванхаерен М. Системы персональной орнаментации в контексте варибельности культур раннего верхнего палеолита Евразии // *Археология Южной Сибири*. Кемерово, 2011. Т. 25. С. 36–40; и др.

определенную роль в жизнеобеспечении и структуре верхнепалеолитических сообществ.

Предметы персональной орнаментации являются устойчиво диагностируемыми формами знакового поведения, они связаны с многогранной жизнью древнего человека и реализуют не только его эстетические потребности. В культуре архаичных обществ такие предметы могут использоваться в различном контексте, являясь маркерами: они могут служить для идентификации пола, этнической принадлежности, социальной стратификации (принадлежность к клану, группе). Такие предметы могут выступать в качестве символа (свидетельства) гендерной или возрастной принадлежности (дети, взрослые, старики), демонстрировать фазу биологического состояния (пубертатный период, состояние менопаузы), отражать семейное положение (одинокие, женатые, вдовствующие). В качестве индивидуальных маркеров такие предметы могут подчеркивать особый социальный статус.² Предметы персональной орнаментации могут также играть роль ритуальных объектов или использоваться в ритуальных церемониях, в частности быть предметами подношения «высшим силам»; являться амулетами или талисманами, т. е. защищать носителя от негативного воздействия. Не исключается и функция таких предметов как эквивалентов обменных операций, элементов системы дарения, предметов наследования.³

Проблема исследования форм древнейшей знаковой деятельности и символической коммуникации, появления и формирования культурных архетипов на начальном этапе верхнего палеолита в Сибири рассматривается нами на основе анализа технологии и морфологии изделий, что составляет основу парадигмы изучения и интерпретации предлагаемых материалов.⁴

Материалы и их обсуждение

За последние годы на территории Сибири получена представительная серия предметов, идентифицируемых как персональные украшения, которые в технико-хронологическом

отношении устойчиво ассоциировались с пластинчатыми индустриями начального этапа верхнего палеолита в традициях кара-бомовского, усть-каракольского и иных вариантов.⁵ На территории Монголии, Алтая и Забайкалья было изучено более 50 объектов, датированных ранним этапом верхнего палеолита, с характеристиками ансамблей в рамках технологий пластинчатых индустрий (рис. 1).⁶ На сегодняшний день известно около 200 предметов из кости, скорлупы, камня, раковин, бивня, происходивших из наиболее полно раскопанных объектов (рис. 2). Артефакты были обнаружены при исследовании стратифицированных комплексов Монголии, Забайкалья, Приангарья, Алтая, Западных Саян. Обозначенные комплексы датированы в пределах 25–30 — 40–50 тыс. л. н., в технико-типологическом отношении они характеризуют начальный этап верхнего палеолита (табл. 1). В большинстве случаев такие находки ассоциировались с культурой человека современного физического типа.

Коллекция из Денисовой пещеры является наиболее древней в хронологическом отношении, разнообразной по формам изделий и представительной в количественном отношении.⁷ В составе коллекции, отнесенной к раннему верхнему палеолиту, выделяются «украшения» из зубов животных, кости, бивня мамонта, раковин моллюсков, скорлупы яиц крупных птиц. Распространены просверленные небольшие гальки из поделочного камня (талькитов, серпентенинов, хлоритолита,

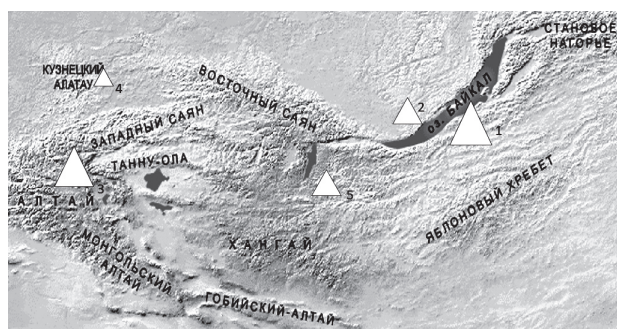

Рис. 1. Территории с объектами раннего верхнего палеолита Южной Сибири и Монголии:
1 — Забайкалье, 2 — Приангарье, 3 — Горный Алтай,
4 — Кузнецкий Алатау, 5 — Монголия

² См.: Erikson J. M. The Universal Bead. New York, 1969.

³ См.: Vanhaeren M. The Beauty of Beds from Prehistory to Present Day // Art as Behavior (An Ethnological Approach to Visual and Verbal Art, Music and Architecture) // Hanse Studies. 2014. Vol. 10. P. 273–290.

⁴ См.: Лбова Л. В. Формы знакового поведения в культурах раннего верхнего палеолита Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 3. С. 11–14; Она же. Предметы персональной орнаментации в контексте знаковых систем палеолита Сибири // Universum Humanitarium. 2016. № 1 (2). С. 37–49.

⁵ См.: Деревянко А. П., Шуньков М. В. Основные этапы развития палеолитических традиций на Алтае // Актуальные вопросы евразийского палеолитоведения. Новосибирск, 2005. С. 68–77.

⁶ См.: Деревянко А. П. Переход от среднего к верхнему палеолиту и проблема формирования Homo sapiens sapiens в Восточной, Центральной и Северной Азии. Новосибирск, 2009.

⁷ Там же.

Таблица 1

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПРЕДМЕТОВ ПЕРСОНАЛЬНОЙ ОРНАМЕНТАЦИИ
НА ТЕРРИТОРИИ ЮЖНОЙ СИБИРИ (РАННИЙ ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ)

Территория	Памятник, слой	Датировка*	Сырье	Артефакты
Забайкалье	Подзвонкая	30–44 тыс. л. н.	Скорлупа яиц страуса	Бусины, подвески, кольца
	Хотык (уровень 2, 3)	28–38 тыс. л. н.	Камень, кость, раковины моллюска	Бусины, подвески, кольца
	Каменка (А)	30–40 тыс. л. н.	Камень, кость, скорлупа яиц страуса, бивень	Бусины, пронизки, фрагмент диадемы, изделия
	Варварина Гора (уровень 3)	29–35 тыс. л. н.	Камень, зубы	бусины, подвески
	Толбага	26–35 тыс. л. н.	Скорлупа яиц страуса (?), кость	Бусины, скульптура
Приангарье	Переселенческий пункт I (стоянка Герасимова)	25–35 тыс. л. н.	Камень	Подвески, браслет, изделия неизвестного назначения
	Военный Госпиталь	22–30 тыс. л. н.	Кость, бивень	Бусины, пронизки, изделия
	Щапово	28–30 тыс. л. н.	Камень	Изделие неизвестного назначения
	Мамоны	27–32 тыс. л. н.	Камень	Бусины, изделие неизвестного назначения
Горный Алтай	Денисова пещера, слой 11	29–50 тыс. л. н.	Камень, кость, зубы, раковины моллюсков, скорлупа яиц страуса, бивень	Бусины, пронизки, подвески, браслеты, изделия
	Пещера Страшная Слой 3 (гор. 2)	27–30 тыс. л. н.	Бивень	Подвеска
	Кара-Бом Уровень 5	40–44 тыс. л. н.	Зубы	Подвески
	Усть-Каракол, Слой 9	29–34 тыс. л. н.	Камень	Подвеска
	Малояломанская пещера	30–34 тыс. л. н.	Зуб	Подвеска
	Усть-Канская пещера (привходовая площадка)	?	Кость	Подвеска
Кузнецкий Алатау	Малая Сья	29–34 тыс. л. н.	Камень, кость	Бусины, подвески, изделия

*приведены не калиброванные, обобщенные даты

агальматолита и др.). В технологическом отношении эту коллекцию, как и другие, можно разделить на модифицированные природные формы и намеренно изготовленные объемные изделия, в том числе явно являющиеся украшениями или предметами престижа.

Первую группу составляют предметы, модифицирующие природную форму (зубы, кости животных, окатанные гальки). Организация системы подвешивания резцов животных (лисицы, бизона и оленя) производилась различными способами: уплощением корневой

части зуба с последующим прорезанием отверстия, биконическим сверлением, прорезанием по периметру бороздки в зоне корня. Полые трубчатые кости (с отсеченными или сохранившимися с одной стороны эпифизами) птиц, грызунов, хищников орнаментировались симметричными рядами глубоких кольцевых нарезок или оставались без орнаментации. Гальки из мягких пород камня имеют, как правило, биконическое сверление или кернение отверстия с последующим его расширением проверткой-разверткой.

Рис. 2. Основные виды предметов персональной орнаментации памятников раннего верхнего палеолита Южной Сибири: 1–6, 9, 10–18, 21–25, 30–32, 35, 36, 39–45 — Денисова пещера, 37 — Усть-Канская, 19, 20 — Кара-Бом, 26–28, 33, 34, 38, 49 — Хотык, 7, 8, 29 — Каменка, 46–48 — Подзвонкая (по: Lbova, 2016, fig. 1)

Вторую группу изделий представляют предметы, на изготовление которых на стадии заготовки, преформы, формы, орнаментации требовалось довольно длительное время и устойчивые технологические навыки. В эту группу объединены бусины и кольца из бивня мамонта; плоские бусины из раковин пресноводных моллюсков и из скорлупы яиц страуса; кольца и браслеты из поделочного камня.

Большинство изделий свидетельствует о том, что применялась шлифовка на мелкозернистых абразивах, полирование на коже или шкуре. Технологии перфорирования представлены в различных вариантах: это простое перфорирование, прорезание, биконическое и одностороннее сверление, а также уникальное для палеолита — скоростное станковое сверление. В целом, технологическое изуче-

ние коллекции, определенной в пределах раннего верхнего палеолита, Денисовой пещеры (11 к. с.) показало, что при изготовлении предметов использовались различные приемы обработки камня и бивня, в том числе традиционно считавшиеся не характерными для эпохи раннего этапа верхнего палеолита.⁸

Среди алтайских коллекций следует отметить единичные изделия из категории украшений, представленные в материалах как верхнепалеолитических пластинчатых комплексов Кара-Бом, Ануя-2, так и среднепалеолитических комплексов пещер Страшной, Усть-Канской, Малояломанской (резцы животных со сверлением, круглые и квадратные плоские бусины-нашивки из бивня).⁹

Особо следует обратить внимание на уникальный в своем роде объект южно-сибирского раннего верхнего палеолита — Малую Сыю. Коллекция изделий персональной орнаментации довольно моногенна, выполнена из «экзотического» сырья и представлена готовыми артефактами, их заготовками и подготовленным сырьем.¹⁰ Коллекцию представляют предметы выраженной геометрической формы (круглые, ромбовидные, треугольные), уплощенные, орнаментированные как по краю, так и по поверхности (рис. 3, 5, 6). Сверление выполнено в 1-, 2-, 3-рядном варианте, назначение таких отверстий малопонятно. Нами определены два различных способа изготовления таких изделий: их можно считать технологически разнородными как по используемому набору инструментария, по характеру обработки заготовок, так и по манипуляциям на стадии завершения изделия.

В прибайкальских ранних верхнепалеолитических культурах известны орнаментированные изделия из бивня, фрагмент объемного браслета, сверленные гальки, плохо диагностируемые в функциональном отношении круглые изделия и изделия с орнаментированным краем из Военного Госпиталя и Переселенческого пункта (стоянка Герасимова 1) и

⁸ См.: Деревянко А. П., Шуньков М. В., Волков П. В. Палеолитический браслет из Денисовой пещеры // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 2. С. 13–25.

⁹ См.: Деревянко А. П., Рыбин Е. П. Древнейшие проявления символической деятельности палеолитического человека на Горном Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 3 (15). С. 27–50.

¹⁰ См.: Предметы неутилитарного назначения местонахождения Малая Сыя (технологический аспект) / Л. В. Лбова [и др.] // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. История, филология. 2014. Т. 13, вып. 5: Археология и этнография. С. 91–100.

Щапово.¹¹ Интересны предметы из поделочного камня — фрагменты изделий из агальматолита с прорезанным продольным желобком и перпендикулярными ритмичными глубокими насечками из ансамбля памятника Мамоны.¹²

Ярким компонентом забайкальских комплексов раннего верхнего палеолита (Каменка, Хотык, Подзвонкая, Варварина Гора, Толбага) являются разнообразные бусины, бусины-пронызки и подвески, как орнаментированные поперечными насечками, так и без орнамента, изготовленные из трубчатых костей птиц, скорлупы яиц страуса, раковин речных моллюсков и мягких пород камня (рис. 3, 1–4). В коллекциях отмечены фрагменты небольших плоских браслетов из бивня и поделочного камня.¹³

Детальное изучение технологических особенностей изготовления таких предметов показывает, что чаще использовались окатанные гальки или отщепы поделочного камня, скорлупы яиц страуса, раковин моллюсков и т. п., которые перфорировались для крепления.¹⁴ В сложных случаях поверхность поделочного камня уплощалась резцом, формировалась плоская или объемная геометрическая форма, и далее производилось сверление ручной дрелью или прорезание разверткой, проверткой, например, такая технология представлена на изделиях из коллекции Малой Ссы (рис. 3, 5, 6).

По технико-морфологическим характеристикам всей рассматриваемой коллекции можно выделить 5 групп предметов, различающихся по таким признакам, как форма, материал, технология изготовления, вторичное декорирование и следы окрашивания (табл. 2), которые в комбинациях образуют тип.

Предварительная классификация позволяет разделить всю коллекцию изделий по визуальным и функциональным признакам на несколько групп: на личные (нательные) укра-

Рис. 3. Предметы персональной орнаментации и технологические особенности их перфорирования и декорирования: 1, 2, 3 — Хотык, 4 — Каменка, 5, 6 — Малая Ссы

шения (бусины, подвески, кольца, браслеты, диадемы), предметы неизвестного назначения, предметы престижа(?), элементы одежды и аксессуаров (простых и сложных форм, орнаментированные и нет) и скульптуру.

Необходимо отметить, что в отдельных случаях предметы обнаруживали полную идентичность по форме, технологии и материалу с материалами сибирских памятников, а морфологии и технологии изготовления — с европейскими и ближневосточными материалами.¹⁵

Дискуссия

Исследования последних десятилетий позволяют предполагать, что признаки знакового поведения в мире не могут быть однообразными. В зарубежной литературе активно обсуждается проблема генезиса и ранних форм символизма как части поведенческого комплекса современного человека в рамках дискуссии становления и распространения культуры и языка человека современного физического типа.¹⁶ Концепция «списка» П. Мелларса¹⁷ основывалась в первую

¹¹ См.: Палеолитическое местонахождение Герасимова I: новая жизнь Переселенческого пункта I / С. А. Когай [и др.] // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы Итоговой сессии Инта археологии и этнографии СО РАН 2007 г. Новосибирск, 2007. Т. 13. С. 110–113.

¹² См.: Когай С. А., Роговской Е. О. Орнаментированные предметы из раскопок палеолитического местонахождения Мамоны II (Иркутск) // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2013. № 1 (2). С. 62–70.

¹³ См.: Лбова Л. В. Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. Улан-Удэ, 2000; Ташак В. И. Символизм в начале верхнего палеолита Западного Забайкалья // Зап. ИИМК РАН. СПб., 2009. № 4. С. 50–62.

¹⁴ См.: Лбова Л. В., Волков П. В. Технология изготовления нательных украшений в эпоху верхнего палеолита (материалы местонахождения Хотык, Западное Забайкалье) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. История, филология. 2010. Т. 9, вып. 7: Археология и этнография. С. 57–67.

¹⁵ См.: Лбова Л. В., Ванхаерен М. Указ. соч.

¹⁶ См.: Mellars P. Op. cit.; D'Errico F., Vanhaeren M. Evolution or Revolution? New Evidence for the Origin of Symbolic Behaviour In and Out of Africa // Rethinking the Human Revolution. Cambridge, 2007. P. 275–286; Klein R. G. Archaeology and the evolution of human behavior // Evolutionary Anthropology: Issues, News and Reviews. 2000. № 9. P. 17–36; и др.

¹⁷ См.: Mellars P. Op. cit.

Таблица 2

ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ПРЕДМЕТОВ ПЕРСОНАЛЬНОЙ ОРНАМЕНТАЦИИ
ЮЖНОЙ СИБИРИ (РАННИЙ ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ)

Тип	Признаки					Памятник
	Форма	Материал	Технология изготовления	Вторичное декорирование	Следы краски на предметах	
Простые плоские	Круглые Квадратные Заготовки	Камень Кость Бивень Скорлупа Раковины Дентин	Уплотнение поверхности Сохранение естественной поверхности Сверление Полирование	Не орнаментированные	Присутствие краски (охры, гематита)	Денисова пещера Пещера Страшная Хотык Каменка Подзвонкая
Простые объемные	Галечная форма Не модифицированные зубы Кости Заготовки	Камень Кость Бивень Зубы	Формирование объема Сохранение естественной поверхности Сверление Полирование	Не орнаментированные	Присутствие краски (охры, гематита) единично	Денисова пещера Кара-Бом Усть-Каракол Малояломанская пещера Щапово Хотык
Сложные плоские	Круглые Подквадратные Ромбовидные Фигурные	Камень Кость Рог Бивень	Формирование уплощенной поверхности Сохранение естественной поверхности Сверление Полирование	Орнаментированные Неорнаментированные	Присутствие краски (охры, гематита) редко	Денисова пещера Ануй-2 Герасимова 1 Малая Сыя Подзвонкая Барварина Гора
Сложные объемные	Фигурные	Камень Кость Бивень	Формирование объема Сверление Полирование Декорирование	Орнаментированные Неорнаментированные	Присутствие краски (охры, гематита) редко	Денисова пещера Мамоны Толбага Военный Госпиталь Хотык Каменка

очередь на восприятии эталонных, имевшихся на тот момент материалов верхнего палеолита Европы. Автором была осуществлена попытка увязать технологические и культурные изменения в европейских культурах раннего верхнего палеолита с прибытием на континент анатомически современных людей, обладавших более совершенными когнитивными способностями в период 50–30 тыс. л. н. Среди этого «списка черт» важное место занимали различные формы символической активности, включавшие предметы персональной орнаментации и формы мобильного искусства.

За прошедшее время накоплено большое количество данных, достаточно аргументированно показывающих, что переход к комплексу современного поведения — явление куда более сложное, нежели доминировавший на протяжении 1990-х — начала 2000-х гг. переход в рамках концепции «списка черт». Пере-

ход к верхнему палеолиту и к новым поведенческим стратегиям происходил на разных территориях и с различной динамикой.¹⁸

Археологические свидетельства древнейших проявлений символического поведения (использование краски, различные варианты «меток», парциальные и целые погребения людей и животных, мобильные формы изобразительного искусства (скульптура), наскальное искусство) появляются в эпоху, предшествовавшую верхнему палеолиту.¹⁹ Наиболее ранние проявления символической коммуникации в индустриях, определенных как верхнепалеоли-

¹⁸ См.: Emergence and Diversity of Modern Human Behavior in Paleolithic Asia.

¹⁹ См.: Archaeological evidence for the origins of language, symbolism and music: an alternative multidisciplinary perspective / F. D'Errico [etc.] // Journal of World Prehistory. 2003. № 17. P. 1–70; Беднарик Р. Интерпретация данных о происхождении искусства // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. 4 (20). С. 35–47; и др.

тические с датами 60–75 тыс. л. н., известны в материалах южноафриканских памятников Дипклоф, Вондервок и Бломбос (геометрические гравировки на фрагментах скорлупы страусовых яиц, древнейшие бусины).²⁰

Необходимо отметить, что признаки знакового поведения (как комплекса, так и отдельных его элементов), свойственные культуре человека современного физического типа, в археологических коллекциях и культурных горизонтах ранней стадии верхнего палеолита в Южной Сибири выявлены на ряде хорошо изученных стратифицированных археологических местонахождений и подтверждены серией абсолютных дат.²¹ Интерес представляет как археологический контекст находок (горизонты обитания, структуры культурного слоя, особенности размещения и т. д.), их хронологическая позиция, так и сами предметы, их морфологическая, технологическая, минералогическая, семантическая характеристика. В связи с новыми представлениями о человеческой эволюции тезис об однозначном признании художественных способностей как свойства, характерного только для человека современного физического типа,²² нельзя считать верным.

Персональные украшения могут играть важную роль для будущих исследований взаимодействий между носителями культурных комплексов верхнего палеолита. Этнографические исследования показывают, что как связки бусин, ожерелья (бисероплетение), так и боди-арт, шрамирование, татуировка, одежда, прически воспринимаются членами традиционных обществ как идентификатор личности, ее положения в пределах группы или как маркер границы данной группы с соседними сообществами. Этнические аспекты производства таких систем (например, размерность или сочетание элементов) основаны на соблюдении правил, технологий и элементов в определенных комбинациях для конкретных типов в одной или в нескольких соседних группах.²³

²⁰ См.: Howiesons Poort tradition of engraving ostrich eggshell containers dated to 60,000 years ago at Diepkloof Rock Shelter, South Africa / P. J. Texier [et.c.] // *Proceedings of the National Academy of Science USA*. 2010. April, 27, 107 (17). P. 7621–7622; Vanhaeren M. *Op. cit.*; и др.

²¹ См.: Радиоуглеродное датирование палеолита Сибири и Дальнего Востока России: материалы к каталогу C–14 дат (по состоянию на конец 2010 г.) / Я. В. Кузьмин [и др.] // *Stratum plus*. 2011. № 1. С. 171–202.

²² См.: Шер Я. А., Вишняцкий Л. Б., Бледнова Н. С. Происхождение знакового поведения. М., 2004.

²³ См.: Vanhaeren M. *Op. cit.*

Личные украшения могут также выполнять функции маркеров пола, возраста, родственной группы, престижности, социального положения или могут быть использованы в качестве средства обмена информации и т. д. Характер таких украшений регулируется нормами, стратифицирующими членов одного сообщества между собой или отделяющими их от других групп. Персональные украшения (или их системы) и способы сочетания элементов также вносят свой вклад в формирование ментальности, часто неумышленно, и помогают различать это конкретное общество или группу от соседней.

Как следствие, можно ожидать, что такие культурные образования с конкретными орнаментальными типами и характерными пропорциями будут определены археологически и географически в формате когерентных кластеров археологических местонахождений для больших ареалов.²⁴ С точки зрения исследовательской стратегии изучение личных украшений представляется целесообразным, в частности, в связи с характеристиками техноконплексов как раннего этапа верхнего палеолита, так и среднего палеолита, которые представлены различными технологическими вариантами.

На основе анализа технологических особенностей и составления матрицы типов изделий с позиций морфологического и технологического принципов (см. табл. 2) нами предварительно постулируется следующее:

— на начальной стадии верхнего палеолита в Южной Сибири (40–50 — 30–35 тыс. л. н.) преобладающими технологическими приемами в изготовлении предметов персональной орнаментации являются: использование естественных природных форм (зубы, гальки); перфорирование, прорезание отверстий или использование простых дрелей типа провертки, развертки; уплощение поверхности строгальным ножом; отсутствие декора; заглаживание или легкая полировка от контакта с кожей; окрашивание;

— на последующей стадии раннего верхнего палеолита (30–35 — 25–28 тыс. л. н.) преобладающими технологическими приемами являются: использование специально подготовленного сырья (сколы поделочного камня, пластины из бивня); сверление с помощью

²⁴ См.: Vanhaeren M., D'Errico F. Aurignacian ethnolinguistic-geography of Europe revealed by personal ornaments // *Journal of Archaeological Sciences*. 2006. № 33. P. 1105–1128.

сложных систем (лучковое сверление); орнаментирование по краю или по поверхности изделия ритмичными элементами декора; полирование и шлифование как устойчивый элемент технологии; окрашивание.

В отдельных комплексах встречается и сочетание различных технологических приемов выделенных стадий, которые могут рассматриваться как инновационные или сохранившиеся архаичные элементы технологии изготовления предметов.

Знаковое (символическое, ритуальное, не-утилитарное) поведение, свойственное как человеку современного физического типа, так и неандертальцам и, очевидно, денисовцам, довольно устойчиво выглядит в археологическом контексте хронологически выделяе-

мого начала верхнего палеолита. Системы персональных украшений местонахождений раннего верхнего палеолита Южной Сибири сопоставимы с изделиями ориньякских и шельтерперронских местонахождений Западной Европы и памятников ахмарской традиции и левантийского ориньяка Ближнего Востока. Используя эти материалы, мы получаем основания для реконструкции сложных процессов формирования культурных образований и контактов, которые происходили в Евразии при переходе от среднего к верхнему палеолиту, что является ведущим направлением наших текущих исследований и, конечно, одной из основных задач в археологии палеолита с точки зрения поведенческих стратегий и форм социальной коммуникации.

Lyudmila V. Lbova

Doctor of Historical Sciences, Novosibirsk State University; Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)
E-mail: *lbovapnr5@gmail.com*

PERSONAL ORNAMENTATION IN THE CONTEXT OF CULTURAL PHENOMENONS AND TECHNOLOGIES OF THE EARLY UPPER PALEOLITHIC IN SIBERIA

The system of the joint meanings ensures the effectiveness and success of communication in human culture. The items of the personal ornamentation can be defined as the material form of symbolic communication. It endowed with qualitative characteristics of personal and cultural identity, and expressed through a system of signs. The items of personal ornamentation form a stable sign of Man's culture in the archaeological context of the Early Upper Paleolithic technologies of Southern Siberia. A series of objects identified as personal ornaments are associated with the blade industries of the initial stage of the Upper Paleolithic (about 40–50 — 30–25 thousand years ago), and there are represented in the stratified complexes of Southern Siberia. According to the technical and morphological characteristics, groups of objects personal ornamentation are distinguished, differing in form, material, manufacturing techniques, secondary decoration, which in combinations form stable types. Preliminary classification allows dividing the entire collection of products into personal decorations, prestige items, items of clothing and accessories and sculpture. On the basis of the analysis, a number of provisions on the features of the technologies for the manufacture processing of personal ornamentation items in South Siberia for the industries of the Early Upper Paleolithic (40–45 — 30–35 thousand years ago) and for the subsequent stage of the Upper Paleolithic (30–35 — 25–28 thousand years ago). It is established that in some complexes there is a combination of various techniques that can be considered as innovative, or as archaic. Characteristics of the complex of objects of personal ornamentation in the Early Upper Paleolithic in South Siberia convincingly demonstrate that the transition to a modern form of behavior is a much more complicated phenomenon than the scheme of P. Mellars. The transition to new behavioral strategies occurred in different territories and with different dynamics and regional peculiarities.

Key words: *technology, Early Upper Paleolithic, items of personal ornamentation, symbolic communication, Southern Siberia*

REFERENCES

- Barton C. M., Clark G. A., Cohen A. E. Art as information explaining Upper Paleolithic art in Western Europe. *World Archaeology*, 1994, vol. 26, no. 2, pp. 185–207. (in English).
Bednarik R. [Interpretation of data on the origin of art]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Yevrazii* [Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia], 2004, no. 4 (20), pp. 35–47. (in Russ.).

D'Errico F., Henshilwood C., Lawson G., Vanhaeren M., Tillier A.-M., Soressi M., Bresson F., Maureille B., Nowell A., Lakarra J., Backwell L., Julien M. Archaeological evidence for the origins of language, symbolism and music: an alternative multidisciplinary perspective. *Journal of World Prehistory*, 2003, no. 17, pp. 1–70. (in English).

Derevianko A. P. *Perekhod ot srednego k verkhnemu paleolitu i problema formirovaniya Homo sapiens sapiens v Vostochnoy, Tsentralnoy i Severnoy Azii* [The transition from the middle to the Upper Paleolithic and the problem of the formation of Homo sapiens sapiens in Eastern, Central and Northern Asia]. Novosibirsk: IAET SO RAN Publ., 2009, 328 p. (in Russ.).

Derevianko A. P., Shunkov M. V., Volkov P. V. [A Paleolithic Bracelet from Denisova Cave]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Yevrazii* [Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia], 2008, no. 2, pp. 13–25. (in Russ.).

Derevyanko A. P., Rybin E. P. [The oldest manifestation of the symbolic activity of the Paleolithic man in the Altai Mountains]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Yevrazii* [Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia], 2003, no. 3 (15), pp. 27–50. (in Russ.).

Derevyanko A. P., Shunkov M. V. [The main stages in the development of Paleolithic traditions in the Altai]. *Aktualnye voprosy evraziyskogo paleolitovedeniya* [Topical issues of Eurasian paleolithology]. Novosibirsk: IAET SO RAN Publ., 2005, pp. 68–77. (in Russ.).

D'Errico F., Vanhaeren M. Evolution or Revolution? New Evidence for the Origin of Symbolic Behaviour In and Out of Africa. *Rethinking the Human Revolution*. Cambridge: McDonald Institute Monographs, 2007, pp. 275–286. (in English).

Emergence and Diversity of Modern Human Behavior in Paleolithic Asia. Texas: A&M University Press, 2014, 580 p. (in English).

Erikson J. M. *The Universal Bead*. New York: W. W. Norton, 1969, 191 p. (in English).

Klein R. G. Archaeology and the evolution of human behavior. *Evolutionary Anthropology: Issues, News, and Reviews*, 2000, no. 9, pp. 17–36. (in English).

Kogai S. A., Rogovskoy E. O. [Ornamented Items of the Mamony II Paleolithic Site (Irkutsk)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Bulletin of Irkutsk State University], 2013, no. 1 (2), pp. 62–70. (in Russ.).

Kogay S. A., Lipnina E. A., Medvedev G. I., Novoseltseva V. M., Oshchepkova E. B., Khenzykhenova F. I., Klementev A. M. [The Paleolithic sites of Gerasimov I: The new life of the Pereselencheskogo punkta I]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredelnykh territoriy. Materialy Itogovoy sessii Instituta arkheologii i etnografii SO RAN 2007 g.* [Problems of archaeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories. Materials of the Session of the Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS, 2007]. Novosibirsk: IAET SO RAN Publ., 2007, vol. 13, pp. 110–113. (in Russ.).

Kuzmin Ya. V., Orlova L. A., Zenin V. N., Lbova L. V., Dementev V. N. [Radiocarbon Dating of the Palaeolithic of Siberia and the Russian Far East: Materials for 14C Data Catalogue (as of the End of 2010)]. *Stratum plus* [Stratum plus], 2011, no. 1, pp. 171–202. (in Russ.).

Lbova L. V. [Forms of Symbolic Behavior in the Early Upper Paleolithic Cultures of Siberia]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanitarian sciences in Siberia], 2011, no. 3, pp. 11–14. (in Russ.).

Lbova L. V. [Objects of personal ornamentation in the context of the sign systems of the Paleolithic of Siberia]. *Universum Humanitarium* [Universum Humanitarium], 2016, no. 1 (2), pp. 37–49. (in Russ.).

Lbova L. V. *Paleolit severnoy zony Zapadnogo Zabaykalya* [Paleolithic of the northern zone of Western Transbaikalia]. Ulan-Ude: BNTs SO RAN Publ., 2000, 240 p. (in Russ.).

Lbova L. V., Volkov P. V. [Manufacturing and ornamentation body's decoration in the Upper Paleolithic (Hotyk-site, Western Transbaikalia)]. *Vestnik Novosibirsk State University. Series: "History and Philology"* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology], 2010, vol. 9, iss. 7, pp. 57–67. (in Russ.).

Lbova L. V., Vanhaeren M. [Systems of personal ornamentation in the context of variability of cultures of the Early Upper Paleolithic of Eurasia]. *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri* [Archaeology of Southern Siberia]. Kemerovo: KGPU; IAET Publ., 2011, pp. 36–40. (in Russ.).

Lbova L. V., Volkov P. V., Dolgorukova N. A., Barkov A. V., Larichev V. E. [Items of the non-utilitarian purpose in the collection of the Upper Paleolithic Malaya Syya-site (technological aspects)]. *Vestnik Novosibirsk State University. Series: "History and Philology"* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology], 2014, vol. 13, iss. 5, pp. 91–100. (in Russ.).

Mellars P. The Impossible Coincidence a Single — Species model for the Origins on Modern Human Behavior in Europe. *Evolutionary Antropology*, 2005, no. 14, pp. 12–27. (in English).

Sher Ya. A., Vishnyatskiy L. B., Blednova N. S. *Proiskhozhdenie znakovogo povedeniya* [The origin of iconic behavior]. Moscow: Nauchnyy mir Publ., 2004, 279 p. (in Russ.).

Tashak V. I. [Symbolism at the beginning of the Upper Paleolithic of Western Transbaikalia]. *Zapiski Instituta istorii materialnoy kultury* [Notes of the Institute of the History of Material Culture]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2009, no. 4, pp. 50–62. (in Russ.).

Texier P. J., Porraz G., Parkington J., Rigaud J. P., Poggenpoel C., Miller C., Tribolo C., Cartwright C., Coudenneau A., Klein R., Steele T., Verna C. A. Howiesons Poort tradition of engraving ostrich eggshell containers dated to 60,000 years ago at Diepkloof Rock Shelter, South Africa. *Proceedings of the National Academy of Science USA*, 2010, April, 27, no. 107 (17), pp. 7621–7622. (in English).

Vanhaeren M. The Beauty of Beds From Prehistory to Present Day. *Art as Behavior (An Ethnological Approach to Visual and Verbal Art, Music and Architecture)*, *Hanse Studies*, 2014, vol. 10, pp. 273–290. (in English).

Vanhaeren M., d’Errico F. Aurignacian ethnolinguistic–geography of Europe revealed by personal ornaments. *Journal of Archaeological Sciences*, 2006, no. 33, pp. 1105–1128. (in English).